

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

Материалы международной
научно-теоретической конференции

**«СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ФИЛОЛОГИИ:
ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»,**

посвященной 80-летию профессора Мархабата Томанова

Том
II

Алматы
"Казак университет!"
2012

СОДЕРЖАНИЕ

Томанова Н.М. Человек в науке. Мархабат Томанов.....	5
--	---

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

МАРХАБАТ ТОМАНОВ Принципы построения исторической грамматики

казахского языка.....	8
-----------------------	---

Амирова Ж.Р. Новые направления исследования субстантивации в казахском языке.....	11
---	----

КИПЧАКОВЕДЕНИЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Нургали К.Р. Кипчаки и их значение в культуре современного Казахстана.....	16
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Абилхасимова Б.Б. Наблюдения за особенностями публицистической метафоры в языке казахстанских газет.....	19
--	----

Азаматова А.Х. Современные тенденции развития в терминоведении.....	21
---	----

Ахмедьяров К.К., Алдабергенкызы Л. Диалог культур в художественном дискурсе.....	24
--	----

Гайнуллина Н.И. Расширение функций дефиса в современном русском языке.....	27
--	----

Дюсенова (Шантаева) Д.С., Складенко К.С. Прикладные задачи «неприкладной» лингвистики (на материале исследования спорного текста).....	31
--	----

Киынова Ж.К. Славянская письменность во времени и пространстве: взаимодействие языков и культур в условиях глобализации.....	35
--	----

Когай Э.Р. От готики до абстракционизма (к вопросу о смыслообразующей способности метафоры).....	38
--	----

Кочетова Л.А. Динамический аспект интенциональных характеристик рекламного дискурса.....	41
--	----

Ли В.С. Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противостояния к взаимообогащению.....	43
---	----

Мейрбекова М.М. К вопросу о звуковой организации речи как элементе художественного произведения.....	47
--	----

Милованова М.В., Терентьева Е.В. Эколингвистика как новое направление изучения языка.....	50
---	----

Оразбекова И.Г. Язык СМИ как отражение специфики политической культуры.....	54
---	----

Гюльдане Панахова Просторечие и молодежный жаргон как ненормативные формы языка.....	56
--	----

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА

Дюсенова Д.С.(Шантаева Д.С.) Вербализация концепта АЙТЫС в лингвокультуре Казахстана....	59
--	----

Маймакова А.Д. Слово в контексте культуры: этнолингвистический аспект.....	62
--	----

Сабитова З.К. Диалог культур и евразийская ментальность.....	66
--	----

Сансызбаева С.К. Лингвокультурологические аспекты изучения зооморфных образов в казахском и русском языках.....	70
---	----

Складенко К.С. МУДРОСТЬ как один из ключевых концептов евразийской лингвокультуры.....	73
--	----

Шетиева А.Т. Концепт БАЙГА в казахстанской лингвокультуре.....	76
--	----

Шовгенин А.Н. Лингвокультурная напряженность в социолингвистическом пространстве многоязычного региона.....	79
---	----

Юриным а И.Ю. Индия в записках русских путешественников: от греховности к святости.....	81
---	----

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

УК. Абишева. Пушкин в критике начала XX века.....	86
---	----

Ахмедьяров К. К. Казахская ментальность в философско-лирической экспликации	89
Бектурганова Г.З. Поэзия и проза в диалогах Платона	92
Джаламова Ж.Б. Диалогические контексты М.М. Пришвина в дневниках путешествия по Казахстану	95
Б.У. Джолдасбекова Влияние традиции русского реалистического романа XIX-XX веков на прозу И.П.Шухова (на примере романа «Горькая линия»)	98
Ильинова Е.Ю. Вымысел и приемы его концептуализации в художественном тексте	101
Какишева Н.Т. Мотив «странных сближений» в новелле Д.Ф.Снегина «Странные сближения, или вокруг Михайловского»	105
Мейрамгалиева Р.М. Образ героя-идеолога в художественных текстах Роллана Сейсенбаева и Смагула Елубаева	108
Мухамадиев Х.С. Колесо времени в колее жизни	111
Сарсекеева Н.К. Поэтика реализма В.Набокова	114
Хайрушева Е.Е. «Кочевник с авиабилетом» в лирическом дискурсе Б. Канапьянова	118
Хошаева Г.Б., Нуржумаева К.А. Проблемы художественного перевода поэтического произведения	122
Asina V. Psikolojik boyutta Tolstoy'un oltim kavrami	125
Asma B. Turk ve Rus edebiyatında var olusculuk	128
Гасанова Лачин О некоторых вопросах современной музыкальной педагогики	131
Murshudova Ulduz Bashir The images of azerbaijan folktales	133
A. inai a Джафаров. «Бакинские рукописи» эпоса «Кероглы»	136
Мамедова Малахат Юсифкызы Художественное проникновение в социальную сущность человека в произведении «Дьявол из огненных пустынь» И. Эфендиева	138
Гусейнова Мелеке Эйнэб кызы. Лирико-психологическис описания и моральные конфликты	141
Афаг Рамазанова. «Арзу-Камбер» как любовно-романический дастан азербайджанцев	142
Флора Мама шва. Параметры оценки драматических произведений Ильяса Эфендиева	144

ФУНКЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Алтынбекова О.Б. Государственный язык в законодательстве Казахстана	147
Курышжанова А.А. К вопросу парадигмы значимых параметров при организации обучения государственному языку	151

ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Адскова Т.П., Павлова Т.В. Реализация коммуникативно-когнитивной концепции при обучении второму языку в техническом вузе	155
Аманбаева Ю.К. Содержательно-организационная характеристика активизации учебной деятельности студентов. Диагностика активности в учебной деятельности	159
Жаппар К.З. Проблемная технология обучения на занятиях русского языка	162
Зуева Н.Ю. Основные задачи культуры речи	164
Карымсакова Р.Д. Роль предписывающих типов речи в коммуникативном образовании студентов-юристов	167
Минайдарова М.Е, Аладьина А.А. Иновации в языковой подготовке студентов педвуза	170
Салханова Ж.Х. Иновации в языковом образовании	172
Сулейменова С.С. Использование инновационных методов обучения на занятиях по русскому языку в вузе	175
Тлеубай Г.К. Инновационные методы обучения речевой коммуникации	179
Тлеубай Г.К., Жусанбаева А.Т. Формирование культуры чтения литературы по специальности	182
Чекина Е.Б., Капасова Д.А. Роль вопроса в формировании лингвистической и речевой компетенций при обучении научному стилю речи	185

благе неистойой любви. Его поэтику отличает интенсивная гимническая окрашенность повествования. В тексте можно выделить реминисценции из произведений известных поэтов, но они переосмыслены рассказчиком, предавшим с помощью новых метафор атмосферу значимости речи. Субъективные переживания Сократа передаются чередованием медитативного аналитического начала с началом образным, поэтическим. Язык и стиль второй речи Сократа как бы специально сконструированы для нужд мифа: в нем слиты выразительные возможности поэзии и точность формулировок прозы. Платон пользуется разными слоями языка - разговорным, поэтическим и научным, перемежая их по своему усмотрению. Проза разума и поэзия воображения, соединенные в одном тексте, рожают особую убедительность и служат раскрытию нового философского содержания. Бытовая сцена, миф и обобщающая логическая конструкция в их взаимодействии со структурами поэтических жанров образуют три основных слоя платоновской проза и тем самым существенно расширяют ее стилистические возможности. В силу этого в художественном пространстве платоновского диалога возникает новое эстетическое напряжение, способствующее процессу кристаллизации мысли в разных жанрах поэзии и прозы, которые в своем взаимообогащении актуализируются в мифотворчестве философа, создающие собственную мифологическую образность. Эта образность была положена им в основу новой картины мира, здесь Платон отвергает существовавшую в рамках предшествующей культуры художественную традицию. Он отбросил как риторическую прозу, так и мифологическую поэзию с их содержанием, противоречившим его программе «идеального» философского воспитания Эллады, трансформировав при этом их выразительный строй и художественные формы. Наполнив старые формы энергией своего философствования, Платон создал в своих диалогах новый эстетический феномен - равновесие поэзии и прозы

Литература:

1. Античные риторика. - М., 1978., 213-225 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. - М., 1986, 151-181 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. - М., 1986.
4. Собрание сочинений Платона. В 4 т. - М, 1990-1994.

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ М.М. ПРИШВИНА В ДНЕВНИКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАЗАХСТАНУ

Ж. Б. Джаламова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Путевые дневники М.М.Пришвина являются сложнейшим явлением, отражающим духовное самоопределение писателя. В путевых записях писатель воспринимается прежде всего как человека творческих устремлений. Дневниковые путевые записи, сделанные писателем во время его путешествия по Казахстану, помогают представить сложность его восприятия мира.

Записи путевого дневника Пришвина помогают понять, что эта поездка сыграла особую роль в творческом поиске писателя. Именно после нее создаются «Черный араб», «Адам и Ева», в которых автор обращается к универсальным человеческим ценностям.

Практической целью поездки послужило задание либеральной газеты «Русские ведомости», активным сотрудником которой он был в те годы, написать очерк об условиях жизни переселенцев в Павлодарском крас. Предложение газеты, как впоследствии пояснял писатель, давало ему возможность осуществить давнее желание страстного охотника: увидеть в горах Казахстана редкое животное архара. Это путешествие продолжение пути Пришвина, избранного в творчестве, - поиски неведомого.

Необходимо заметить, что писатель преследовал не только практическую цель. Характерные внутренние устремления, постоянно питаемые аналитической мыслью, создали в произведениях М.М. Пришвина самобытное интертекстуальное поле. Главным условием коммуникативной устойчивости культуры писатель, совмещающий в своей личности свойства ученого и художника, считал ее преемственные связи. В фокусе внимания столь своеобразного мыслителя оказываются именно те темы, которые в современной теории интертекста получили определение «прецедентных».

Писатель воспринял своей чуткой мыслью возможность творческих связей, которая обозначилась как архетипические вариации. В этой связи следует восстановить в сознании содержание и границы

одного из *влиятельных* контекстов интертекстуальных связей. Это, по классификации ученого, «... тот *глубинный* (мифологический или психологический) *архетип*, который реализован в произведении, возможно с *новаторскими вариациями*» [1,8].

С точки зрения возможного в границах выделенного архетипа содержания представляет специфический интерес пришвинская постановка проблемы. Она прогнозируется в дневниковой записи 1948 года. Писатель цитирует в ней заключение историка американской литературы о путях ее движения: «Итак, неонатурализм - очеловеченный и опозитизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность. А мифичность, - вот, что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего» [2,т.7,512-513].

Основа основ, краеугольный камень мифологического творческого сознания - взаимоотношения с Миром, усиленное доверие к его данности. По нашему мнению, миф «гораздо теснее, чем литература связан с действительностью, ибо предполагает *нерасчлененную народную веру* в то, что образ и есть прямая достоверная истина, а не плод играющего воображения» [3,237]. Дар нерасчлененной веры в Мир был присущ М.М. Пришвину с детских лет и до последних дней жизни. Неоценимы в этом отношении страницы воспоминаний известного русского ученого К.Н.Давыдова, тесно общавшегося с молодым писателем. Особенно примечателен в связи с поднятой темой один из экспонируемых эпизодов. «Как-то он (Пришвин) поделился со мной проектом летней поездки в дебри Сибири, в Тарбагатайские горы. Я убежден,- говорил он, - что эта всем известная трогательная история розысков Иваном-царевичем похищенной у него прекрасной царевны произошла именно в Тарбагатае и, стало быть, там нужно искать следы этой чудесной погони... И Пришвин действительно осуществил свою мечту, он побывал в Тарбагатае и много рассказывал мне об этом. Он уверял, что отыскал перышки, которые догадливая невеста, увлекаемая серым волком, бросала по пути, чтобы облегчить погоню за ней Ивана-царевича. И нужно сказать, что рассказы его о посещенных местах были очаровательны. Он даже показал мне два найденных там перышка» [4,24].

В дневнике путешествия из Павлодара в Каркаралинск в 1909 году М.М. Пришвин фиксирует как реальные факты, даже без намека на условность «географию» казахской поэмы о Баян-сулу: «В местечке Тарак она потеряла гребень (тарак-гребень). В Нар-Чеккен (чек! - кричит верблюд) потеряла верблюда. Каркара — головной убор, здесь в горах она потеряла головной убор» [2,т.7,51].

Подобное трепетно доверительное отношение к вымыслу свойственно детям и старикам. Тема - постоянная и претворяемая в персонажах пришвинских произведений от первой до последней книги. Авторы статьи «Мир и человек» комментируют возрастную метаморфозу в интерпретируемом литературном направлении: «Старики и дети оказываются не просто темой литературы - они определяют самый тип литературного творчества, которое приближается к мифическому» [3,238].

Нашел ли Пришвин сказку в жизни степной, «таинственной Азии», которая влекла его с самого детства? Писатель намеревался привезти большой трехчастный роман-очерк вроде «Колобка», но вместо растянутого повествования создал энергичный, яркий и сжатый рассказ о степных жителях, который привел в восторг М.Горького. Эти дневники содержат множество наблюдений и открытий самого разнообразного свойства. Они свидетельствуют об интересе автора как этнографа и историка, охотника и натуралиста.

Главным героем рассказа является не бродячий интеллигент, а таинственный черный араб, едущий из Мекки по степи куда глаза глядят, в то время как слух о его передвижении разносится на многие километры вперед. «Сама родится новость в степи или прибежит из других стран - все равно: она крылатая, мчится от всадника к всаднику, от аула к аулу. Добрые люди посоветовали мне на время пути называться арабом, и будто я еду из Мекки, а куда - неизвестно. Я пустил этот слух, и вот побежало по Длинному Уху: «На пегатом коньке с лысинкой едет Черный араб из Мекки и молчит» [2,т.1,502].

Тематическим центром произведения является тема путешествия по стране, где люди живут, как в земле Ханаанской. Это реальное путешествие одновременно является и странствием в поисках самого себя, своей земли обетованной, которая, по мнению автора, является наиболее разумной организацией жизни всех и самого себя.

Как справедливо отмечает тонкий знаток творчества писателя Н.П. Дворцова, основным организующим принципом становится принцип сосуществования и противоборства реальности ее преображенного бытия. «С точки зрения повествователя, в земле, где люди живут, как Авраам, все вещи и явления существуют сами по себе, в своих преображениях - двойниках» [5,103]. Существует реальная степь и мираж, «настоящая пустыня, серо-красная земля, и такая там тишина, что звезды не боятся и спускаются на самый низ» [т.1,503].Свойственный писателю принцип, синтезированный с его поиском, в полную меру реализовал себя в общении с доверчивыми и простыми обитателями

казахских степей. Впервые именно в «Черном арабе» нашли отражения представления казахов о звездном мире, бытующие в народе с древнейших времен и оформившиеся в устойчивый мифологический архетип. Специальный труд У.Абишева «Астрономические представления казахов» появился на пятьдесят лет позже [6].

Характерно, что автор научно-популярного очерка сознательно приводит звездные ассоциации казахов в мир легендарный, хотя и сопрягаемый с реальность, но все-таки условный. Типичные ремарки в тексте: «существует легенда»; «эта легенда - кусочек жизни, перенесенный на небо»; «эта легенда - тоже отражение земной жизни: похищение невест у казахов было нередким явлением»; «о происхождении этого названия рассказывают следующую легенду» и т. д. [6, 12-13-15]. Подобный комментарий, равно и уловимые чутким слухом иронические нотки в изложении, заземляют восприятие, что возможно, допустимо в избранной жанровой форме.

Удивляет созвучие некоторых характеристик. Этимологическая семантика наименования звезды «Шолпан» получила в работе У.Абишева такое оформление: «Шолпан видна или перед восходом Солнца (когда баранов угоняли на пастбище) или после захода Солнца (когда их пригоняли с пастбища). Вероятно, поэтому она и получила название «Шолпан (или Шопан жулдызы) - «Пастушья звезда» [6,15]. Налицо стиливая прозаичность, вводное слово «вероятно» обеспечивает возможность вариативного прочтения, вносит нотку сомнения в его единственность. Автор-повествователь воссоздает в «Черном арабе» собственный архетип. «Когда и как загорелась первая звезда мы не заметили... В то время в ауле остатки семьи старика возились со стадами. Что они там делали, нам не было видно: вероятно, доили коз, кобылиц и верблюдиц. У них там кто-то пел, и так просто и однообразно, будто это шалун-мальчишка позвякивал ручкой ведра. Под звуки этой песни стада постепенно ложились на землю. И вот, когда опустились два верблюда, и весь скот сравнялся, и песня смолкла, тогда я увидел первую звезду. Ее будто спустили к нам на серебряной нити - такая она была большая и низкая» [т.4,510].Здесь необходимость служебного слова «вероятно» в пришвинской проекции подтверждается стремлением точно соблюсти пространственную перспективу с той «точки зрения», на которой пребывают путешествующий автор и его проводник: в открытой степи, несколько в отдалении от аула. И потому не видно, что делается в ауле, но можно точно прогнозировать не раз наблюдаемую архетипическую ситуацию. Ее содержание отражено в дневниковой записи: «Самое лучшее время - вечер, стада стекаются ... ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове ... за овцами коровы... женщины доят...Сопки...Долина между холмами... Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше пустыня» [т.7,51]. И так, извечная повторяемость ситуации создает условия для ее архетипического восприятия: не видно, но известно.

Звездные беседы в условиях проиллюстрированного живого «кусочка кочевой жизни» прогнозируют единственность значения, которое «не подменяет настоящее будущим, сущее должным».В который раз в реальности творится миф, который «не отрицает одно, чтобы утверждать другое, - он пытается понять единство всего сущего и в этом согласуется с подлинным реализмом, в сферу которого на равных правах входят понятия, настроения, предметы, поступки» [3,240]. Безусловно, значимой представляется информация о звездах - мифах: «- Чолпан! - сказал Исаак. - Пастушеская звезда восходит, когда стада возвращаются с поля и меркнет, когда стада уходят утром кормиться. Самая хорошая наша звезда» [т. 1,541]. Но более значим рефрен, сопровождающий диалог: «Все это видно с древних времен ... и у нас и у вас, везде одинаково» [т. 1,541].

И потому глубинным, космогоническим смыслом наполнено содержание дневниковой записи: «Кто видел звезды из аула, того они и будут сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь воров, вот Гибель Ослов, Чолпан...» [т.7,53] Эта запись выводит творческую мысль Пришвина в диалогический контекст - контекст космического сознания.

Литература:

1. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. - М.: Сов.писатель, 1992.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. - М.: Художественная литература, 1982-1986, т.7. (Здесь и далее цитаты из произведений автора даются в квадратных скобках по указанному изданию, вторая цифра обозначает том издания, третья страницу).
3. Новый мир.- 1981.- № 4.
4. Воспоминания о Михаиле Пришвине.- М.: Сов.писатель, 1991.
5. Дворцова Н.П. Три редакции «Черного араба» М.Пришвина // Творчество М.М.Пришвина. Исследования и материалы.- Воронеж, 1986.
6. Абишев У. Астрономические представления казахов. - Алма-Ата:Учнегиз, 1959.